

Миляуша Габдрауфовна Шарихина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
Институт филологических исследований РАН,
Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9
justmilya@yandex.ru

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КРАТКИХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫХ ПРИЧАСТИЙ
В РОЛИ ВТОРОСТЕПЕННОГО СКАЗУЕМОГО
В ПЕРЕВОДНОМ ЖИТИЙНОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ СПИСКОВ
«ЖИТИЯ НИКОЛАЯ МИРЛИКИЙСКОГО»)**

Статья посвящена изучению закономерностей употребления причастий в функции второстепенного сказуемого в переводном памятнике, относящемся к эпохе второго южнославянского влияния. Сравнение выявленных закономерностей с восточнославянскими средневековыми тенденциями, характерными для повествовательных жанров, позволило определить общие направления их реализации. Кроме того, при анализе отклонений славянского перевода от греческого оригинала удалось обнаружить сферы влияния греческого языка на церковнославянский. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: перевод, синтаксис, причастие, второе южнославянское влияние, средневековая славянская письменность.

Miliausha G. Sharikhina

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
9, Tuchkov pereulok, St. Petersburg, 199053, Russian Federation
justmilya@yandex.ru

**THE SHORT-FORM ACTIVE PARTICIPLES IN THE FUNCTION OF SECONDARY PREDICATES
IN THE TRANSLATED HAGIOGRAPHICAL TEXT (A CASE STUDY OF THE RUSSIAN COPIES
OF “THE LIFE OF ST. NICHOLAS OF MYRA”)**

The paper studies the patterns of use of the participle in the function of the secondary predicate in the translated work from the era of the second South Slavic Influence. Comparison of these patterns with medieval East Slavic narrative genres allowed to reveal commonalities of their implementation. In addition, the analysis of the deviations of the Slavonic translation from the Greek original permitted to detect the sphere of Greek influence on Church Slavonic. In the narrative type of discourse the percentage of deviations is higher and the syntax of participles corresponds to the language of Old Church Slavonic and that of Old Russian literary monuments. In the non-narrative type of discourse the influence of Greek appears in a greater degree, which is proven by the use of the same verb forms. At the same time the participles in the original text and in translation may vary (in the original text and in the translation) in tense. That may be caused by the tendency to correlate the aspect and tense categories in the participles in Church Slavonic. Refs 10.

Keywords: translation, syntax, participle, second South Slavic Influence, medieval Slavic literature.

1. «Житие Николая Мирликийского», составленное Симеоном Метафрастом в конце X в. (далее — «Метафрастово Житие»), было известно на Руси в нескольких переводах. Самый ранний, южнославянский, перевод был выполнен с греческого источника, вероятно, не позднее XIII в. [Иванова, с. 251]. Он получил широкое рас-

пространение на Руси (в настоящий момент известно 29 русских списков жития, самые ранние из которых датируются XV в.), появившись в русской книжности в эпоху так называемого второго южнославянского влияния [Сперанский, с. 101; Кенанов, с. 136]. Указанное обстоятельство позволяет рассматривать переводное «Житие Николая Мирликийского» (далее — «ЖНМ») с точки зрения проявления в нем языковых признаков, свойственных русскому литературному языку данной эпохи. Обращение к переводному памятнику дает возможность оценить границы влияния греческого языка на церковнославянский и таким образом определить происхождение языковых явлений в славянском переводе.

Актуальность подобного исследования связана с проблемами, сформулированными Д. Воротом: выявлением круга собственно лингвистических компонентов, характерных для произведений, относящихся к эпохе второго южнославянского влияния, и характеристикой их происхождения [Ворт, с. 288–289]. В связи с обозначенными проблемами исследователь предпринял попытку систематизировать лингвистические компоненты, получившие развитие в русском литературном языке рассматриваемой эпохи. В результате Д. Ворт выделил шесть категорий лингвистических признаков (всего 97) в соответствии с их происхождением [Ворт, с. 291–315]: эллинизмы (например, графемы греческого алфавита), архаизмы (например, возвращение написаний *кѣ*, *гѣ*, *хѣ* вместо повсеместно сменивших их написаний *ки*, *ги*, *хи*), исторически южнославянские (но функционально восточнославянские) архаизмы (например, *дрѣво* вместо *дѣво*), собственно южнославянские явления (например, употребление *ь* вместо *ъ* на конце слов), глаголические признаки (например, употребление «э оборотного», происходящего от глаголического написания буквы «есть»), собственно русские инновации (например, «широкое распространение прилагательных на *-тельн-*, не связанных более с существительными на *-тель*» [Ворт, с. 312]), явления неустановленного происхождения (к ним относятся разного рода графические изменения).

Согласно классификации, к собственно южнославянским явлениям было отнесено частотное «употребление причастных оборотов, которые с этого времени становятся одним из двух наиболее распространенных способов образования конструкций со вставными предложениями»¹ [Ворт, с. 305]. Между тем факт влияния собственно южнославянской письменности на распространение данного явления в русском литературном языке был, как нам представляется, справедливо поставлен Д. Воротом под сомнение, так как употребление причастных конструкций «можно рассматривать как продолжение риторических традиций Киевской Руси» [Там же]. Изучению закономерностей употребления причастий в функции второго степенного сказуемого, а также интерпретации выявленных тенденций посвящена настоящая статья.

Славянский перевод Метафрастова Жития, по мнению некоторых ученых, буквально следует греческому оригиналу, что проявляется также в последовательной передаче при переводе синтаксических явлений греческого текста [Памятники, с. 192; Кенанов, с. 138]. Следовательно, функционирование причастных конструкций в исследуемом тексте может быть подчинено тенденциям, действующим в языке оригинала. В данной ситуации особого внимания заслуживают регулярные

¹ Ко второму распространенному способу формирования вставных конструкций, по Д. Вороту, относится введение предикативных единиц с помощью союза *иже* [Ворт, с. 305].

отклонения от греческого текста, если таковые наблюдаются. В связи с этим анализ употребления кратких действительных причастий в функции второстепенного сказуемого в языке Метафрастова Жития проводился как на основе славянского перевода (исследование синтаксических единиц в славянском тексте и их соответствий в греческом оригинале), так и на основе греческого текста (исследование синтаксических единиц в греческом оригинале и их соответствий в славянском переводе).

Изучение причастных конструкций в нашем исследовании основано на анализе 313 случаев их употребления в славянском переводе, а также ряда разночтений, обнаруженных в русских списках XV–XVI вв.

2. Наиболее распространенным положением причастия является его препозиция к финитной форме глагола (216 из 313 случаев — 69 %). При сравнении позиционной характеристики причастий в славянском переводе и в греческом оригинале обнаруживается тенденция к последовательной передаче конструкции «причастие + глагол» в соответствии с греческим оригиналом, при этом указанная модель в ряде случаев используется и для перевода греческих конструкций с однородными сказуемыми. В данном случае основным направлением замен является употребление в славянском переводе причастия на месте финитной формы — настоящего исторического (НИ) (19 замен) либо аориста (13 замен) — в греческом тексте. Представляется, что оба типа замен предикатов связаны с некоторыми стилистическими и грамматическими особенностями, поэтому рассмотрим их отдельно.

Формы НИ в тексте ЖНМ употребляются редко: из 119 примеров НИ в греческом оригинале в славянском переводе отражено только 20 случаев (17%). Лишь в одном контексте НИ не подкреплено греческими формами. Отдельного внимания заслуживают примеры перевода однородных сказуемых, выраженных формами НИ, с помощью разных глагольных форм, среди которых есть и НИ. В таких случаях другой глагол обычно переводится посредством аориста или причастия, например: (1) Тоу же акїе и игемонъ еоуставоїе **одрѣтеса**. нж тавльшася сего великын **прѣзрѣ**. и приходошя къ немѣ, **не прїемлетъ**. и къ ногамъ его припасти грдѣшя, **ѡрѣваетъ** (320 об.²) — Ἐνταῦθα ὁ ἡγεμὼν Εὐστάθιος **ἐπιφαίνεται** (НИ). ἀλλὰ καὶ φανέντα τοῦτον ὁ μέγας **περιορᾷ** (НИ), καὶ προσερχόμενον **οὐ προσίεται** (НИ), καὶ τοῖς ποσὶν αὐτοῦ προσπεσεῖν ἐπειγόμενον **ἀπωθεῖται** (НИ); (2) **вѣставивъ** его и **заклинани** томѣ **вѣспрїемлетъ** **дѣша** (309) — **διανίστησί** (НИ) τε αὐτὸν καὶ ὄρκοις τὴν ἐκεῖνου **καταλαμβάνει** (НИ) ψυχήν.

Передача греческого НИ с помощью аориста (краткого причастия прошедшего времени) и появление форм НИ и аориста / причастия в однородном ряду могут возникать под влиянием видовой характеристики НИ. Так, в большинстве случаев формы НИ в ЖНМ представлены глаголами несовершенного вида (НСВ), в то же время формы аориста (и краткие причастия прошедшего времени), которые появляются на месте НИ в греческом оригинале, образованы от глаголов совершенного вида (СВ). Выявленное соотношение вполне соответствует тенденции употребления НИ в старославянских и древнерусских памятниках, в которых НИ чаще образуется от глаголов НСВ [Бондарко, с. 459, 569]. Глагол СВ в данных памятниках чаще представлен в форме аориста или перфекта.

Определенное влияние на употребление форм НИ в исследуемом памятнике может оказывать и стилистический фактор. Так, указанный тип замен (формы

² Здесь и далее нумерация страниц приводится по списку Тр749.

НИ в греческом оригинале на форму аориста или причастия в славянском переводе) чаще всего происходит при описании последовательности действий. В метафорическом контексте либо при передаче одновременных действий НИ может в переводе сохраняться: (3) καὶ φιλόανθρωπον ὁ ἐμὸς Χριστὸς ἄνωθεν πρὸς τὴν αὐτοῦ κληρονομίαν ἰδὼν, **καθαίρει** (НИ) μὲν ἀσεβείας ἅπαντα σκῆπτρα καὶ ἐκ τοῦ μέσου ποιεῖ (НИ) (249) — и ѿлюбовно мон хѣ, на свое дѡаніе призраѣвъ. **потрѣблѣеть** оубо злоуѣствѣла въсѣѣ дръжавѣж и ѿ срѣды **измѣщѣ** (315 об.); (4) ὑπὲρ τούτων οὖν καὶ ἡ πόλις ἐλεεινῶς **κόπτεται** (НИ) καὶ **πενθεῖ** (НИ), καὶ τὴν σὴν ἐν πολλῇ τῇ λύπῃ παρουσίαν **ἐπιβοᾶται** (НИ) (253) — о семь оубо граѣ бѣ жалостнѣк сѣтѣеть и плачетса, въ мнѡсѣк печали твоего пришествѣа ѡждаеть (319). Однако подобные случаи в тексте ЖНМ весьма редки.

Первый тип замен — греческого НИ причастием — имеет общую особенность с другим типом — заменой греческого аориста причастием: изменения касаются только предшествующей формы в однородном ряду, предикаты которого передают последовательность действий. С одной стороны, это может быть связано с традицией употребления аориста и причастия как функционально-стилистически тождественных морфологических форм, что было характерно для агиографии более ранней эпохи. Данное явление было отмечено М. Л. Ремневой в языке «Жития Нифонта» («Выголексинский сборник» конца XII в.) [Ремнева, с. 118]. Замены причастий прошедшего времени в предикативной функции аористом и обратные замены наблюдаются в параллельных чтениях Лаврентьевской летописи и Московского летописного свода, например: **Стополкъ посла Поутѣтѡу воеводуу своего. Поутѣта же с вои пришедѣ** к Лоучьскоу (ЛЛ, л. 91 об.). — **Святѡполкъ же посла Поутѣтѡу, воеводуу своего. Поутѣта же приде** с вои к Лоучьскоу (МЛС, л. 25) (цит. по: [Абдулхакова, с. 56]); **поѣхаша по дорозѣк и срѣтоша и паки. и сѣтоунишасѣ с ними витѣ** (ЛЛ, л. 122 об.) — и пондоша по дорозѣ ихъ и **стрѣтшесѣ с ними наваша витисѣ** (МЛС, л. 114 об.) (цит. по: [Там же, с. 58]).

С другой стороны, здесь, вероятно, обнаруживаются и внутрисистемные синтаксические факторы.

3. С позицией причастий тесно связана другая закономерность употребления причастий в тексте ЖНМ: в препозиции к глаголу преобладают причастия прошедшего времени (164 из 216 — 76%), в то время как в постпозиции чаще употребляются причастия настоящего времени (70 из 97 — 72%). Данное соотношение наблюдается также в древнерусских и в среднерусских памятниках [Кунавин, с. 14–15]. Исследование В. М. Живова показало, что подобное распределение причастий характерно для нарратива, при этом отличие функционирования причастий в ненарративных текстах затрагивает именно формы настоящего времени: их позиция оказывается менее закрепленной [Живов, с. 473]. Временная характеристика причастий, за исключением редких случаев, последовательно реализует определенные семантические связи между действиями, выраженными причастием и глаголом. Рассмотрим функционирование причастий в нарративном и ненарративном типах дискурса.

Так, в нарративных фрагментах текста препозитивное причастие прошедшего времени чаще всего обозначает действие, предшествующее основному действию; причастие настоящего времени обозначает действие, сопутствующее, происходящее одновременно с основным действием, например: (5) **великъ вѣзель злата вѣзель въ полнощи въ дѡ мѣжа того прииде.** и то нѣкыль окънцемъ вѣнѣтрѣ **въврѣгъ.** и самъ въскорѣ въсвоа **възвратисѣ** (306 об.) — ἀμέλει καὶ ἀδρὸν ἀπόδεσμον χρυσοῦ

λαβών (аорист. прич.), ἀωρί τῶν νυκτῶν παρὰ τὴν οἰκίαν τοῦ ἀνδρὸς ἦκει (НИ), καὶ τοῦτον διὰ θυρίδος ἔνδον **ἀκοντίσας** (аорист. прич.), αὐτὸς εὐθέως οἴκαδε **ἐπανήει** (аорист) (240); (6) нѣкто ѿ корабльннкъ на врѣхѣ срѣкна жеглы **възлѣзъ**, тако се корабльнма потрѣкы доврѣ оуправити. тако ѿтѣждѣ оуге слѣсти хотѣше, **попальзхвса** съвыше **паде** посрѣк кораблк (310 об.) — τις τῶν ναυτῶν ἐπὶ τὸ ἄκρον τῆς μέσης ἀνελθὼν **κεραίας** (аорист. прич.), ὥστῃ τε τῶν τῆς νεὸς ὄπλων καλῶς διαθεῖναι, ὡς ἦδη ἐκεῖθεν καὶ κατελθεῖν ἐμελλεν, **διολισθήσας** (аорист. прич.) ἄνωθεν ἐπὶ μέσην τὴν ναῦν **καταλίπτει** (НИ) (244); (7) тѣмже концы прѣсть **прѣвращаѣ** **злато**, и испытно **гладдаше** (307) — ἄκροις **ἐπιτρίβων** (прич. наст. вр.) αὐτὸ δακτύλοις καὶ περιεργότερον **ἐνορῶν** (прич. наст. вр.) (240). За исключением единичных случаев, а также тех фактов, когда причастие в славянском переводе соответствует НИ в греческом тексте, временная характеристика препозитивных причастий отражает время предиката в греческом оригинале. Причастия настоящего времени с семантикой предшествующего действия в греческом тексте не зафиксированы.

Постпозитивное причастие в нарративном дискурсе в большинстве случаев стоит в настоящего времени и обозначает обстоятельство действия либо сопутствующее действие: (8) ти же плачь **закывше**, и на бл҃гоудшїе **прѣмѣнншѣ**. бѣви же, и его ѕгодникѣ, **влѣтъ исповѣдающе**. и сѣг҃бо томѣ **днѣвщесѣ** о прорѣнїи, и за раздрѣшенїе сѣтованїа (310–310 об.) — καὶ αὐτοί, τῶν θρήνων ἐπιλαθόμενοι, πρὸς εὐθυμίαν **ἐτράποντο** (аорист), θεῶ τε καὶ τῶ αὐτοῦ θεράποντι τὴν χάριν **ὁμολογοῦντες** (прич. наст. вр.) καὶ τοῦτον **θαυμάζοντες** (прич. наст. вр.) τῶ τε προειπεῖν ἄμα καὶ τῶ λῦσαι τὰ σκυθρωπά (243–244); (9) въ неи же **прѣквы** вѣкма немало, потрѣкы вл҃гы никакоже **прїимаѣ**, сжшѣа же въ темници **злаа** **прѣтрглѣваѣ**, тако довлѣствнѣ такоже кто сладкы и любимы прїемлѣ (315) — ἐν ἧ καὶ **διέμεινε** (аорист) χρόνον οὔτι βραχύν, χρηστοῦ μὲν οὐδενὸς **ἀπολαύων** (прич. наст. вр.), τῶν ἐκ τῆς φυλακῆς δὲ κακῶν **ἀνεχόμενος** (прич. наст. вр.) οὕτω γενναίως, ὥσπερ ἂν τις ἡδέων καὶ προσφιλῶν ἀνάσχοιτο (248). Причастия прошедшего времени в данной позиции встречаются редко (всего 2 случая).

Иная семантическая связь между второстепенным и основным предикатами проявляется во фрагментах текста, не участвующих в разворачивании сюжета. К ним относятся части жития, в которых реализуются топосы рождения, детства, рукоположения и смерти святого; вступительная и заключительная части, описания эмоционального состояния персонажей, а также элементы текста, в которых эксплицируются ключевые для произведения идеи и смысловые доминанты (чаще всего религиозного и нравственного характера). В препозиции формы прошедшего времени преобладают, но не столь значительно, как это имело место в повествовательных фрагментах. В постпозиции формы настоящего и прошедшего времени употребляются примерно одинаково. Вероятно, основной причиной такого распределения форм является то, что соответствие времени причастия и отношений между действиями, выраженными личной формой и причастием, оказывается нерелевантным в силу того, что отсутствует перечисление действий. Приведем примеры: (10) он же **разд҃мень сын**. и кто ѣ познавыи его **разд҃мѣкы**. на того **надѣжса** и противныа **въса** **низложъ** (**низложки** — списки КБ1, У560, Пог.) и противно **прѣкѣ** **цр҃твовавшимъ** **повелѣнїе** **сѣтвори**, **раздрѣти** о҃во идольскыа **цр҃кве** **повелѣкы**. ѿпоушати же ис темниць **заключенныа** **х҃ва р҃а** имене (315 об.) — ὁ δέ, συνेतὸς ὧν (прич. наст. вр.) καὶ τὸν καλέσαντα, ὅστις εἶπ᾽, μὴ **ἀγνοήσας** (аорист. прич.), αὐτῶ τε **ἐθάρσησε** (аорист) καὶ, τοὺς ἀνθισταμένους πάντας **καταβαλῶν** (аорист. прич.), καὶ παλινῳδῖαν τοῖς πρὸ τοῦ

βασιλεύσασιν ἦδε (*аорист*), καθαιρεῖσθαι μὲν τοὺς τῶν εἰδώλων ναοὺς **κελεύων** (*прич. наст. вр.*), ἀνίσθαι δὲ τῶν φυλακῶν τοὺς ἀποκεκλεισμένους διὰ τὸ τοῦ Χριστοῦ ὄνομα (249); (11) и въ нѣшнемъ житїѣ радоватиса рекъ . ѿнѣ къ вѣтвеннѣ цр̄квѣмъ **оупражнѣашесѧ**. домъ дѡинъ влѣкѣ самъ себе **оустрадж.** и прилѣтатиса въ нѣ по вѣтвеномѣ дѡру **изволивъ** (303 об.) — καὶ ταῖς ἔξω διατριβαῖς χαίρειν εἰπὼν, τοῖς θείοις ὄλωσ **ἦν** (*имперф.*) οἶκος **σχολάζων**, οἶκον αὐτὸς ἑαυτὸν ἄξιον τοῦ δεσπότου **κατασκευάζων** (*прич. наст. вр.*) καὶ παραρριπτεῖσθαι μᾶλλον ἐν αὐτοῖς κατὰ τὸν θεῖον Δαβὶδ **αἰρούμενος** (*прич. наст. вр.*) (237). В приведенных примерах обращают на себя внимание постпозитивные причастия **повелѣвъ** и **изволивъ**, так как в греческом оригинале им соответствуют формы настоящего времени: **κελεύων** и **αἰρούμενος**. В указанных случаях проявляется зависимость времени причастия от видовой характеристики глагола, от которого оно образовано.

4. Основные различия во временной характеристике предикатов славянского и греческого текстов связаны с реализацией видо-временной соотношенности причастных форм: причастия прошедшего времени образуются от основ глаголов совершенного вида, причастия настоящего времени — от основ глаголов несовершенного вида. Заслуживает внимания и тот факт, что разночтения, возникающие в списках, не нарушают данной корреляции. Так, замена времени предиката сопровождается изменением его основы: (12) **таже съвравшесѧ въ сѣмъ цр̄ковникомъ, съвѣщавъ** (**съвѣщавѧ** — списки КБ1, У560, Пог) **нѣкто ѿ нѣ ... млтвѣ о дѣлѣ сътворити повелѣ** (312 об.); и въ тѣи ѣа оубо млтвено **възрѣвъ** (**зрѣще** — списки КБ1, У560, Пог) **на нѣ, кротко къ нимъ вѣщаше** (326 об.).

Тенденция к образованию форм прошедшего времени причастий от глаголов СВ, а форм настоящего времени от глаголов НСВ действует в тексте жития независимо от типа дискурса. При этом в нарративном дискурсе причастия прошедшего времени маркированы с точки зрения позиции на основании их специфической семантики (предшествование). К тому же причастие, являясь особым морфологическим средством выражения зависимой предикации, участвует в организации текста, обеспечивая его связность. Указанное обстоятельство позволяет разграничить переводческую стратегию в нарративном и ненарративном дискурсе. Для передачи событийного ряда, формирующего сюжет, оказывается релевантной система распределения временных форм причастий. Вероятно, при переводе влияние греческого текста осуществлялось только на лексическом уровне, выбор формы (финитной / нефинитной, настоящего / прошедшего времени) осуществлялся исходя из того, как переводчик выстраивал семантико-синтаксическую перспективу предложения. Рассмотрим данное положение на следующем примере: (13) **нѣкоемѣ же кр̄пцѣ корабль жита наплъннвшѣ, павльсѧ въ сѣнѣ великын николае. и давъ емѣ три златники въ залогъ, въ мѣрскын гѣа плѣти повелѣ, и тѣмо сжщїимъ житю ѿдати** (317 об.) — ἐμπόριον γούν τινι τῶν ναυτικῶν σίτου πεποημένῳ **ἐπιφαίνεται** (*НИ*) νυκτὸς ὁ μέγας Νικόλαος, καὶ τρεῖς αὐτῷ χρυσοῦς εἰς ἀρραβῶνα **δούς** (*аорист. прич.*), ἐν τῇ Μυρέων κατᾶραι καὶ ἀποδόσθαι τὸν σίτον τοῖς ἐκεί **ἐπισκήπτει** (*НИ*) (251). Причастие **павльсѧ** использовано для передачи греческого НИ, в результате чего предложение с однородными сказуемыми переводится с помощью предложения с однородными второстепенными сказуемыми. Благодаря этому возникает упорядоченное распределение форм прошедшего времени причастий перед личной формой глагола, что является «элементом нарративной стратегии, общим для средневековых восточнославянских повествова-

ний вне зависимости от их конкретного жанра» [Живов, с. 488]. Предположение В. М. Живова, согласно которому «цель причастной трансформации обычно состоит в субординировании обозначенного причастием события»³ [Живов, с. 475], в отношении языка исследуемого памятника представляется спорным. В качестве основного довода укажем на то, что конструкции с препозитивными причастиями прошедшего времени являются в славянском переводе типичной синтаксической моделью, используемой для передачи последовательности событий, относящихся к одному субъекту. Это дает основание предполагать, что основная функция причастий в нарративном дискурсе — связующая.

5. Заслуживает внимания также следующее замечание В. М. Живова: «В порождаемых таким образом сложных структурах в цепи развертывающихся событий один (или несколько) из элементов может передаваться причастным оборотом не в силу своего неполноценного статуса..., а для превращения этой цепи в относительное синтаксическое единство... В этих условиях легко могут иногда появляться причастные обороты с амбивалентной (двусторонней) привязкой. В рамках этой нарративной стратегии и возникает потребность в многочисленных причастных оборотах — с причастием настоящего времени преимущественно в постпозиции к личному глаголу, с причастием прошедшего времени преимущественно в препозиции к нему» [Живов, с. 485]. Приведенное соображение важно с той точки зрения, что оно объясняет особенность распределения причастий в тексте ЖНМ, в соответствии с которой причастия прошедшего времени, описывающие последовательность событий, почти без исключений находятся в препозиции к личной форме глагола. В такой ситуации не возникает смысловой неясности или неопределенности, например: (14) *Боевѣды же оубо вѣтвнѣ мѣтвѣ ѿ него спѣблѣшесѧ. и си тако добра съпжтника имаше, въ фрѣтѣж ѡтидошж. и съмиривше тало въсѣб сжѣи хѣ. въсе повне и еликоже повелѣно имь въ ѿ црѣ конуавше, съ радостѣж въ византѣж възвратиша* (321). Представляют интерес разночтения, возникающие в разных списках. Так, в примере (10) употребление формы аориста *низложи* вместо причастия создает разные типы синтаксической структуры предложения, что при этом не нарушает смысла высказывания. Подобные разночтения в употреблении причастий и личных форм в русских списках (см. также п. 2 настоящей статьи) могут свидетельствовать о высокой степени освоения причастных форм русским книжниками, а значит, и о независимом характере их использования. Рассматриваемое соотношение форм причастий и их позиций (преимущественно препозиция форм прошедшего времени) было характерно и для языка старославянских памятников, где данный порядок соответствовал греческому тексту [Живов, с. 476]. Поэтому тот факт, что преобладание препозитивных причастий прошедшего времени в основном соответствует греческому тексту, отнюдь не является свидетельством калькирования греческой структуры. Вероятно, в данном случае возникает ситуация, при которой и в славянском переводе, и в греческом тексте используется конструкция, одинаково употребительная в обоих языках.

При этом в тех случаях, когда причастие использовано в иных функциях и реализует иные семантические отношения, позиция причастия прошедшего времени

³ Ср. также: «несомненно, что в обычном случае личные формы обеспечивают фокусирование, а причастные обороты — субординирование, или, иными словами, одни события размещаются на авансцене, а другие в кулисах» [Живов, с. 475].

не является однозначно закрепленной, что нарушает синтаксическую упорядоченность. Смысловая целостность в данной ситуации формируется на основе лексического наполнения компонентов структуры, например: (15) на *чѣсти оубо съѡвора и съ ѹднныи николаѣ бѣ. доблѣствѣнѣ же ставѣ на арїѣва владѡсловїа, и раздрѣшивѣ вѣсѣб. исправленїе вѣсѣбъ правыѣ вѣры извѣстно вѣсѣбъ прѣдавѣ. и ѡтѣждѣ вѣзвративѣса, кѣ своимѣ стадѣ прїидѣ. повелѣваѣ и прѣвода на добродѣтель и топлѣ оученїа прикасаѣса* (317 об.) — μέρος οὖν καὶ ὁ θαυμαστός οὗτος Νικόλαος τῆς ἱεράς γίνεται (НИ) συνόδου, γενναίως τε κατὰ τῶν Ἀρείου φλυαριῶν ἴσταται (НИ). καὶ διαλύσας (аорист. прич.) πάντα καὶ κανόνα πᾶσι τῆς ὀρθῆς πίστεως ἀκριβῆ παραδούς (аорист. прич.), ἐκεῖθεν τε ἀναξέγγυσι (НИ) καὶ πρὸς τὴν οἰκείαν ἐπανήκει (НИ) ποιμνὴν, προτρέπων (прич. наст. вр.) πάντας καὶ προάγων (прич. наст. вр.) ἐπ' ἀρετὴν καὶ θερμότερον τῆς διδασκαλίας ἀπτόμενος (прич. наст. вр.) (251). Две смежные синтаксические единицы в греческом тексте передаются при переводе с помощью одной. Объединение происходит благодаря грамматической трансформации предикатов. В славянском переводе первое предложение формируется благодаря введению аориста *бѣ*. Причастия, следующие за данным глаголом, на смысловом уровне проясняют данное высказывание: *Николай участвовал во Вселенском соборе, на котором мужественно оспаривал кощунственную ересь Ария и в результате восстановил истинное учение*. Следующее высказывание присоединяется посредством введения союза *и* и локального маркера *ѡтѣждѣ*. На смысловом уровне оно оформляет следующую мысль: *Затем, вернувшись, пришел к своим верующим, склоняя их к добродетели и направляя их веру*. Между тем обращение к греческому тексту требует иного синтаксического членения фрагмента: *Николай участвует во Вселенском соборе и мужественно оспаривает кощунственную ересь Ария. И, решив все вопросы и восстановив истинное учение, вернувшись, пришел к своим верующим, склоняя их к добродетели и направляя их веру*. Возможность двойной смысловой интерпретации приведенного фрагмента создает общую смысловую неопределенность. Как представляется, при передаче одновременных действий либо действий, находящихся в определенной причинно-целевой либо другой логической связи, в славянском тексте использовались иные средства организации высказывания (к примеру, лексические или семантические).

6. Таким образом, рассмотренные в настоящей статье факты позволяют предположить, что употребление причастий в роли второстепенного сказуемого в тексте Метафрастова Жития обусловлено различными факторами в зависимости от коммуникативной организации частей текста и их смыслового содержания. Для нарративного дискурса можно говорить о самостоятельном характере употребления причастий, что подчеркивается наличием сходной специфики в языке древнерусских и старорусских памятников. Здесь краткое действительное причастие прошедшего времени выступает в качестве основного таксисного средства организации динамики сюжета. Что касается ненарративного дискурса, то здесь возможностей для влияния греческого текста было больше. Это проявляется в том, что и в греческом и в славянском тексте употребляются те же глагольные формы. При этом причастия могут различаться во временной характеристике. Данное обстоятельство, вероятно, обусловлено видовой характеристикой основы, от которой образовано причастие в славянском переводе. Выявленные тенденции употребления причастий позволяют охарактеризовать переводческую стратегию,

которая, по-видимому, применялась по-разному в зависимости от типа дискурса. Так, в контекстах, описывающих последовательность событий, влияние греческого текста, вероятно, осуществлялось только на лексическом уровне. Организация повествования осуществлялась по традиционной и знакомой для переводчика синтаксической модели. В тех же частях текста, где реализовывались иные смысловые отношения, греческая синтаксическая модель служила образцом для употребления соответствующей модели в славянском тексте.

Соответствие выявленных в настоящей статье закономерностей употребления причастных конструкций средневековым восточнославянским тенденциям их функционирования свидетельствует в пользу того, что частотное использование данного синтаксического средства в древнерусских памятниках, относящихся к эпохе второго южнославянского влияния (как переводных, так и оригинальных), может быть охарактеризовано как собственно русское явление. Между тем в переводном тексте появление причастных конструкций может сопровождаться влиянием тенденций, действующих в языке-оригинале, а также в том языке, на который был переведен текст (в нашем случае южнославянском).

Литература

- Абдулхакова 2007 — Абдулхакова Л. Р. *Развитие категории деепричастия в русском языке*. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 186 с.
- Бондарко 2005 — Бондарко А. В. "Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенно видов в славянских языках." Бондарко А. В. *Теория морфологических категорий и аспектологические исследования*. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 425–608.
- Ворт 2006 — Ворт Д. "Место «второго южнославянского влияния» в истории русского литературного языка (Материалы к дискуссии)." Ворт Д. *Очерки по русской филологии*. Богатырев К. К. (пер.). М.: Индрик, 2006. С. 286–320.
- Живов 2011 — Живов В. М. "Позиция причастных оборотов и их дискурсивные свойства в языке русских летописей." *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна*. Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Крысин Л. П. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2011. С. 473–492.
- Иванова 2003 — Иванова К. "Агиографските произведения на Симеон Метафраст в състава на южнославянските календарни сборници." *Преводите през XIV столетие на Балканите: Доклади от международната конференция*. (София, 26–28 юни 2003). Тасева Л. и др. (ред.). София: ГорексПрес, 2004. С. 249–267. (болгарск.)
- Кенанов 1997 — Кенанов Д. *Метафрастика: Симеон Метафраст и православната славянска агиография*. Велико Търново: ПИК, 1997. 223 с. (болгарск.)
- Кунавин 1993 — Кунавин Б. В. *Функциональное развитие системы причастий в древнерусском языке*. Автореф. дис. ... док. филол. наук. Санкт-Петербургский гос. ун-т, Филологический факультет. СПб., 1993. 50 с.
- Памятники 1896 — *Памятники древнерусской церковно-учительной литературы*. Вып. 2: Славяно-русский пролог. Ч. 1. Сентябрь–декабрь. Пономарев А. И. (ред.). СПб.: Тип. С. Добродеева, 1896. 285 с.
- Ремнева 2003 — Ремнева М. Л. *Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв.* М.: МГУ, 2003. 336 с.
- Сперанский 1960 — Сперанский М. Н. *Из истории русско-славянских литературных связей*. М.: Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1960. 235 с.

Источники

1. Vita per Metaphrasten // Anrich G. Hagios Nikolaos. Der heilige Nikolaos in der griechischen Kirche: Texte und Untersuchungen. Leipzig; Berlin, 1913. P. 235–267.
2. КБ1 — РНБ, Кир.-Бел. собр. № 47/1124. XV в. Л. 145–177 об.

3. Пог — РНБ, собр. Погод. № 1281. XV–XVI вв. Л. 210–232 об.
4. Тр749 — РГБ, собр. Тр.-Серг. № 749. XV в. Л. 301 об.–332 об.
5. Тр788 — РГБ, собр. Тр.-Серг. № 788. XVI в. Л. 422–456 об.
6. У560 — РГБ, собр. Унд. № 560. XV–XVI вв. Л. 71а–80с.

Для цитирования: Шарихина М.Г. Функционирование кратких действительных причастий в роли второстепенного сказуемого в переводном житийном тексте (на материале русских списков «Жития Николая Мирликийского») // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14. Вып. 1. С. 104–113. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.109.

References

- Абдулхакова 2007 — Abdulkhakova, L. R. *Razvitie kategorii deeprichastiia v russkom iazyke* [Development of the grammatical category of adverbial participle]. Kazan, Kazan Federal Univ. Publ., 2007. 186 p. (in Russian)
- Бондарко 2005 — Bondarko, A. V. *Nastoiashchee istoricheskoe glagolov nesovershennogo i sovershennogo vidov v slavianskikh iazykakh* [True historical of perfective and imperfective aspect verbs in Slavic languages]. In: Bondarko, A. V. *Teoriia morfologicheskikh kategorii i aspektologicheskie issledovaniia* [Theory of morphological categories in aspectological researches]. Moscow, LRC Publ. House, 2005, pp. 425–608. (in Russian)
- Ворт 2006 — Vort, D. *Mesto «vtorogo iuzhnoslavianskogo vlianiia» v istorii russkogo literaturnogo iazyka (Materialy k diskussii)* [The place of «the second south Slavonic influence» in the history of Russian literary language (materials for discussions)]. In: Vort, D., Bogatyrev, K. K. (transl.) *Ocherki po russkoi filologii* [Essays on Russian Philology]. Moscow, Indrik Publ., 2006, pp. 286–320. (in Russian)
- Живов 2011 — Zhivov, V. M. *Pozitsiia prichastnykh oborotov i ikh diskursivnye svoistva v iazyke russkikh letopisei* [Position of participle constructions and their discursive features in the language of Russian chronicles]. In: Boguslavskii, I. M., Iomdin, L. L., Krysin, L. P. (eds.). *Slovo i iazyk. Sbornik statei k vos'midesiatiletiu akademika Iu. D. Apresiana* [Word and language. The collection of articles for the 80th anniversary of acad. Yu. D. Apresyan]. Moscow, LRC Publ. House, 2011, pp. 473–492. (in Russian)
- Иванова 2003 — Ivanova, K. *Agiografskite proizvedeniia na Simeon Metafrast v s'tava na iuzhnoslavianskite kalendarni sbornitsi* [Hagiographical works of Symeon the Metaphrast as a part of south Slavonic calendar collection]. In: Taseva, L., et al. (eds.). *Prevodite prez XIV stoletie na Balkanite* [XIV century translations in the Balkans]. *Proceedings of the International conference reports*. (Sofia, June 26–28, 2003). Sofia, GoreksPress, 2004, pp. 249–267. (in Bulgarian)
- Кенанов 1997 — Kenanov, D. *Metafrastika: Simeon Metafrast i pravoslavnata slavianska agiografiia* [Metaphrastics: Symeon the Metaphrast and Slavonic and orthodox hagiography]. Veliko Tarnovo, PIK Publ., 1997. 223 p. (in Bulgarian)
- Кунавин 1993 — Kunavin, B. V. *Funktsional'noe razvitie sistemy prichastii v drevnerusskom iazyke* [Functional development of participle system in Old Russian]. Extended abstract of Doctor of Philology dissertation. Saint Petersburg State University, St. Petersburg, 1993, 50 p. (in Russian)
- Памятники 1896 — Ponomarev, A. I. (ed.). *Pamiatniki drevnerusskoi tserkovno-uchitel'noi literatury* [Monuments of Old Russian church instructive literature]. Iss. 2: Slaviano-russkii prolog [Slavic and Russian prologue]. P. 1. September–December. St. Petersburg, Tip. S. Dobrodeeva Publ., 1896. 285 p. (in Russian)
- Ремнева 2003 — Remneva, M. L. *Puti razvitiia russkogo literaturnogo iazyka XI–XVII vv.* [Ways to the development of Russian literary language during XI–XVII centuries]. Moscow, Moscow State Univ. Press, 2003. 336 p. (in Russian)
- Сперанский 1960 — Speransky, M. N. *Iz istorii russko-slavianskikh literaturnykh sviazei* [On Russian-Slavonic literary contacts]. Moscow, Gosudarstvennoie uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva prosveshcheniia RSFSR, 1960. 235 p. (in Russian)

For citation: Sharikhina M. G. The Short-Form Active Participles in the Function of Secondary Predicates in the Translated Hagiographical Text (A Case Study of the Russian Copies of “The Life of St. Nicholas of Myra”). *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 2017, vol. 14, issue 1, pp. 104–113. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.109.

Статья поступила в редакцию 9 апреля 2015 г.
Статья рекомендована в печать 14 ноября 2015 г.